

НЕ БЕЗЫМЯННАЯ ВЫСОТА

Недоразумение, вызванное чехардой с переименованием улицы Гомельской в улицу имени Пенязькова и обратно, высветило важную, на наш взгляд, проблему. Оказывается, известное выражение о том, что никто не забыт и ничто не забыто, со временем теряет свою остроту и незыблемость. Увы, забываем. Именно поэтому мы решили в День освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков ещё раз рассказать читателям о человеке, которым вправе гордиться каждый гомельчанин. И потому, что повторение - мать учения, и потому, что его судьба, как и судьбы многих его современников, достойны почёта, уважения и подражания.

«В боях при форсировании реки Одер 20 апреля 1945 года, первым со своей ротой форсировал реку Одер, где прочно закрепился, удерживая плацдарм до подхода основных сил наших подразделений. Противник яростно контратаковал, имея целью сбросить наши подразделения в реку. Тов. Пенязьков прочно удерживался на плацдарме и в трудные минуты боя, когда некоторые бойцы дрогнули, с гранатой в руках пошёл в атаку на врага. Враг не выдержал психической атаки, начал в панике отступать. В этом бою тов. Пенязьков лично броском гранаты

подбил вражеский танк и уничтожил 13 немецких солдат. Атака врага была успешно отражена, и плацдарм удержан за нашими частями, что сыграло важнейшую роль для дальнейшего наступления наших войск на западном берегу реки Одер. 20 апреля 1945 года при взятии господствующей высоты 44.8 тов. Пенязьков с криком «Ура! За Сталина!» первым достиг вершины высоты, где поставил Красный флаг. В этих ожесточённых боях, отражая контратаки врага, тов. Пенязьков показал образцы мужества и героизма. Оставшись один у станкового пулемёта, ураганным огнём его уничтожил до 58 вражеских солдат, пытавшихся захватить высоту. Взятием выс. 44.8 способствовал успешному развитию боевых операций наших войск. В этом бою был ранен, но не оставил поля боя...»

Читаешь эти сухие строки из представления к званию Героя Советского Союза, подписанного лично командующим войсками 2-го Белорусского фронта Маршалом Советского Союза Константином Рокоссовским, и ловишь себя на мысли: именно благодаря беззаветной храбрости лейтенанта Пенязькова нашим войскам неделю спустя удалось взять Берлин. В принципе, так оно и есть. Таких лейтенантов и капитанов, рядовых и генералов, даже в самом конце войны готовых пожертвовать жизнью ради приближения Победы, в каждом соединении были десятки тысяч. Никто тогда не думал о славе, о наградах и почестях, они просто сражались за родину и... за себя.

Вот как о тех судьбоносных днях вспоминал впоследствии сам Дмитрий Никандрович.

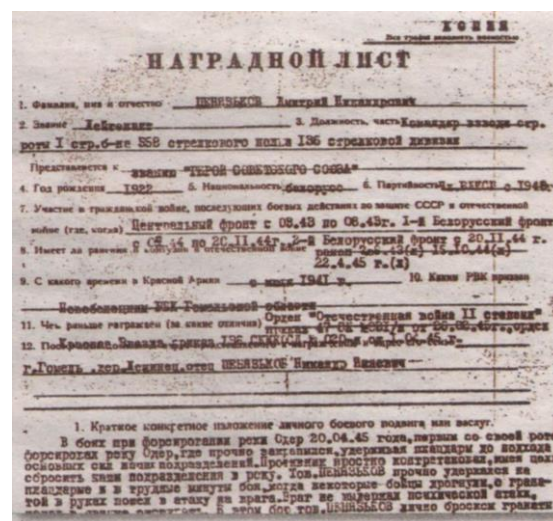
— Вызывает меня комполка

Надбаев и говорит: вот что, лейтенант, выполнишь задание — представлю к Герою. А у самого и других офицеров слёзы в глазах... Понимали, не многим удастся переправиться на другой берег Одера. Я думаю: медалей и орденов у нас всех хватает. Но ведь война заканчивается, уцелеть бы — вот лучшая награда... Но приказ есть приказ, стали готовиться к переправе.

Из 150 солдат штурмовой роты тогда, 20 апреля 1945 года, на другой берег Одера переправилась лишь треть. Этой горстке бойцов и предстояло на протяжении дня удерживать захваченный плацдарм — пятачок немецкой земли, которому впоследствии было суждено разрастись до района прорыва. Но прежде нашим бойцам пришлось отразить несколько яростных контратак гитлеровцев. Которые на своей земле сражались с отчаянием обречённых. Но и наши солдаты к этому времени уже умели воевать, к тому же идти вперёд, не считаясь с потерями, их заставляло непреодолимое желание скорого и правого возмездия. Недаром даже много лет спустя Дмитрий Пенязьков любил говорить словами песни о 9-м десантном — «ради Победы мы за ценой никогда не стояли».

Когда на удерживаемый плацдарм переправлялись основные силы полка, из усиленной роты в живых оставались лишь несколько десятков человек. Почти все раненые или контуженные. Лишь взводному Пенязькову повезло — ни единой царапины. Но уже два дня спустя вражеская пуля настигла его во время боя за безымянную высоту 44.8. Если обратиться к ещё одной любимой фронтовиками песне, под этой горюшкой горела не только роща — казалось, плавилась сама

земля, предела напичканная сталью и свинцом. Удержать господствующую над местностью высоту удалось ценой невероятных жертв: в живых из взвода лейтенанта Пенязькова не осталось практически никого. Самого офицера, раненого и контуженного, наши бойцы в бессознательном состоянии обнаружили присыпанным землёй. Он лежал, уткнувшись лицом в осыпавшийся бруствер окопа, намертво сжав в руках рукоятки медленно остывающего станкового пулемёта. На склоне перед огневой позицией в разных позах лежали несколько десятков гитлеровских солдат, так и не сумевших отбить обратно потерянный стратегический пункт.

Это было третье и последнее ранение Дмитрия Пенязькова за время войны. Первое он получил в 1943 году под знаменитой Прохоровкой. В мясорубку Курской дуги 75-я десантная дивизия, где в то время служил рядовым бойцом Дмитрий Никандрович, попала после перестроения и непродолжительного отдыха — сокрушительный разгром немцев под Сталинградом нелегко дался бойцам Красной Армии.

— На прохоровском поле я узнал, что такое настоящий ад, —

вспоминал Дмитрий Пенязьков. — Несмолкаемый грохот, завеса чёрного дыма от горящих танков, непрерывная оглушительная стрельба, крики идущих в атаку и стоны раненых — всё смешалось в пропитанном летним зноем воздухе.

Бои были такие ожесточённые, что порой даже выдавшие виды командиры с трудом ориентировались в обстановке. Вот, прикрываясь бронированными телами «тигров», идут в атаку немецкие автоматчики, а через несколько минут на этом месте уже блещут штыки контратакующих наших. Ещё мгновение — наши отступают, и картина на поле боя меняется с точностью до наоборот. Во время одного такого отхода и поймал свою первую фашистскую пулю рядовой Пенязьков. Ранили легко, сознания не потерял, а потому, когда в сопровождении санитаров направлялся в тыл, про себя отметил: земля вокруг изрыта воронками от разрывов снарядов и усеяна телами наших и вражеских солдат...

После госпиталя Дмитрий Пенязьков попал служить уже в 76-ю десантную дивизию, входившую в состав 1-го Белорусского фронта. В октябре 1944 вновь был ранен, после излечения прошёл краткосрочные офицерские курсы и уже в начале победного 45-го лейтенант Пенязьков принял стрелковый взвод в 136-й Киевской стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта.

Военные знают: в условиях боевых действий на передовой жизнь командира взвода в пехоте исчисляется не днями — минутами. Именно взводным приходилось под шквальным огнём поднимать в атаку своих солдат, именно их старались в первую очередь выбить вражеские снайперы. Дмитрий Пенязьков не просто выжил — в должности

командира взвода он пережил свой поистине звёздный час. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в его наградные документы. 26 февраля 1945 года — награждение орденом Отечественной войны 2-й степени. Прошло чуть больше месяца, и в апреле 1945 года лейтенант Дмитрий Пенязьков был удостоен ордена Красной Звезды. Хотя за подвиги, совершённые зимой и ранней весной 1945 года, Пенязькову уже тогда можно было присваивать звание Героя.

Три богатыря, отстоявших Родину.

Польский город Торн был превращён немцами в мощный узел обороны. Сами они засели за мощными стенами древней крепости, откуда выкурить их не могла даже артиллерия, бывшая прямой наводкой. Ранним утром во главе разведгруппы лейтенант Пенязьков скрытно приблизился вплотную к позициям обороняющихся немцев. Немцы то ли спали, то ли специально решили подпустить разведчиков поближе — их огневые точки молчали. Но стоило нашим бойцам проползти попластунски ещё несколько метров, как один из пулемётов ожил. Некоторые, поддавшись естественному желанию, побежали назад, но тут же были сражены меткими очередями — местность вокруг фашистские пулемётчики успели пристрелять основательно.

Ничего другого не

оставалось, как только двигаться вперёд, под защиту всё тех же средневековых стен. Достигнув мёртвой зоны, куда не мог достать ближайший пулемёт, лейтенант Пенязьков обошёл позицию сбоку и уничтожил расчёт. Затем развернул ещё недавно косивший наших солдат пулемёт в обратную сторону и принялся поливать свинцом фашистские позиции. Стрелял до тех пор, пока не подошло подкрепление. За Торном последовали Бытув, Косьцежина, Гданьск и ещё с десятков польских и немецких городов, за взятие которых лейтенант Пенязьков был удостоен благодарностей Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина.

■ Патриотическим воспитанием Дмитрий Пенязьков занимался всегда.

А вот орден Ленина и звезду Героя Советского Союза лейтенанту Дмитрию Пенязькову лично вручил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин уже после Победы, в

августе 1945 года. Дмитрий Никандрович никогда не скрывал, что первое время после окончания боёв тщетно искал свою фамилию в списках награждённых, публиковавшихся в газетах. Поначалу успокаивал себя: наградные документы на Героя обычно долго ходят по инстанциям, утверждаются на самом верху. Потом и вовсе махнул рукой — представление, в конце концов, ещё не награждение. Такое часто случается в рядах военной бюрократии, где неизвестно в каких кабинетах могли решить, что не достоин, а то и вообще потерять документы. Могла и просто фамилия не понравится, или пятая графа в анкете. Но огорчился Дмитрий Пенязьков недолго. Выжил — вот главная награда, как и мечталось в конце войны. Фашистов разгромили, землю свою отстояли, всему миру продемонстрировали силу и мощь первого социалистического государства. Никакие ордена и медали не могут сравниться с пьянящим и гордым чувством солдата-победителя, честно и до конца выполнившего свой долг перед Родиной.

Александр ЕВСЕЕНКО

Евсеенко, А. Не безымянная высота / Александр Евсеенко // Советский район. – 2014. – 26 ноября (№ 48). – С. 10-11.